

Би Фэйюй

Настоящая фамилия — Лу. Китайский писатель, журналист, сценарист. Родился в январе 1964 года в Цзянсу. Поскольку отец писателя придерживался правых взглядов, в 1958 году, в период Культурной Революции, их семья была сослана в Синхуа, в провинцию Цзянсу. Там и родился будущий писатель. Его родители были преподавателями и смогли привить ребенку любовь к литературе. Он поступил в Педагогический университет в Янчжоу, где проучился с 1983 до 1987 года по специальности «литература». Был приглашен преподавать в специализированной школе в Нанкине. Активно занимался журналистикой, работал репортером в еженедельной газете Нанкина, затем вступил в Ассоциацию Китайских писателей провинции Цзянсу и был нанят в качестве редактора в литературный журнал «Юйхуа». Живет в Нанкине, работает в издательстве, преподает в Нанкинском университете, является заместителем председателя союза писателей провинции Цзянсу. Сотрудничает с кинематографом, ему принадлежит сценарий фильма Чжана Имоу «Шанхайская триада» (1995). Лауреат многих международных литературных премий, его работы переведены более чем на двадцать языков мира. Критики считают его не просто автором с уникальной манерой повествования, но и признанным знатоком женской психологии, мастером создания женских образов.

Перевод Евдокии Павловой¹

Кормящая мать^{2,3}

В Дуаньцяо было только две дороги: одна — широкая каменная аллея больше трех метров в ширину, а вторая — река Цзяхэ⁴. Жилые дома в три ряда теснились вдоль каменной аллеи. Они образовали собой шеренгу единообразных двухэтажных домиков, между которыми яблоку негде было упасть, и, таким образом, все соседи делились на тех, кто

¹ Выпускница Восточного факультета РГГУ, магистрант Восточного факультета СПбГУ, редактор интернет-СМИ о Китае. Изучает китайский язык и литературу уже более пяти лет. Брала интервью у видных деятелей искусств Китая: художников, хореографов, дизайнеров, музыкальных групп и экологических активистов.

² В 2015 году по рассказу «Кормящая мать» был снят фильм, а сама работа получила литературную премию Лу Синя.

³ Редактор — Илья Бояшов.

⁴ Дословно: «узкая река».

жил напротив или через стенку. В прозрачной воде реки отражались арки деревянных мостов, простоявших сотни лет и ставших настолько ветхими, что каждый раз, когда мимо проплывала лодочка, своды их, колыхаясь, расступались, а как только лодка скрывалась из виду, вновь, как ни в чем не бывало, возвращались на прежнее место.

Дом Ван Вана стоял у реки, напротив дома Хуэй Сао. Между их домами пролегла каменная аллея. Ван Ван — так называлось печенье, которое семилетний мальчуган любил грызть; все звали его Вани Ваном, и дедушку, вслед за внуком, прозвали так же — «дедушка Ван».

Дедушка был с Ван Ваном с момента его рождения. Родители мальчика занимались перевозками на баржах, заработали немало денег и уже купили сыну прописку в уездном городе. Мама Ван Вана говорила, что их семья заработала достаточно, чтобы сын мог поступить в университет, а когда они накопят ему на квартиру, то сразу вернутся в родной город и откроют лавку по продаже соевого соуса. Сейчас они ходили по рекам, и домом их давно уже был не Дуаньцяо, а водный путь. Их воспоминания о Дуаньцяо становились все более и более туманными — это были просто иероглифы, всего-навсего далекий адрес, на который оформлялся перевод собранных денег.

Когда Ван Вану нечем было заняться, он присаживался на пороге каменных ворот своего дома с пакетом печенья и наблюдал за прохожими. Печенье Ван Вану уже надоело, но дедушка не разрешал сидеть у порога с пустыми руками. Когда мальчику становилось скучно, он, посидев какое-то время, невольно тянулся к ширинке, доставал из штанов своего «дружка» и игрался с ним.

Кроме того, Ван Ван присматривал за продовольственным магазином Хуэй Сао. На первом этаже этого дома находилась торговая лавка. Когда кто-то входил, Ван Ван пронзительно кричал, сообщая о прибытии покупателя. Стоило мальчику закричать, как Хуэй Сао, улыбаясь, появлялась за прилавком.

Хуэй Сао, хозяйка магазина, тоже раньше работала на чужбине, но в 1996 году, в начале весны, возвратилась в Дуаньцяо, чтобы родить ребенка. У нее был мальчик, которого она до сих пор кормила грудью. Ван Ван не был вскормлен материнским молоком. Его лишь однажды прикладывали к материнской груди, и тогда, желая высосать молоко, которого у матери не было, он так сильно сжал сосок, что мать вскрикнула от боли. Ван Вана почти сразу отдали на попечение тогда еще живой бабушке. Еще ему подарили плошку и суповую ложку из нержавеющей стали. Бабушка зачерпывала из блестящей плошки-нержавейки смесь печенья, детского питания, яичного желтка и бобовой муки и кормила Ван Вана. Когда малыш наедался, он расплывался в улыбке, а бабушка

ударяла ложкой по опустевшей плошке, и та издавала звон. «Это грудь твоей матери», — говорила бабушка...

Хуэй Сао, низенькая и пухленькая, простодушная и очень мягкая, едва увидев людей, начинала улыбаться. Улыбка делала кожу ее лица лоснящейся, а на щеках появлялись две небольшие ямочки. Весь ее образ после родов был преисполнен благодатью и счастьем. Грудь у Хуэй Сао была большой и упругой; даже скрытая одеждой, она привлекала внимание, и, казалось, молоко у нее никогда не кончится.

Хуэй Сао очень трогательно кормила ребенка. Обычно она выходила из магазина и садилась прямо у его дверей. Не расстегивая пуговиц верхней одежды, она приподнимала край рубашки, клала голову сына на локтевой сгиб и наклонялась к нему всем телом, а выпрямлялась только тогда, когда ребенок наедался. Во время кормления она не переставая гладила его маленькие ножоточки или мочки ушек. Если кто-то в этот момент приходил за покупками, она неизменно заявляла: «Возьмите, что вам нужно, и оставьте деньги на прилавке».

Ван Ван неотрывно следил за тем, как Хуэй Сао кормит грудью. Он видел, как грудь ее опухает, и под кожей проступают венозные сосуды. Мальчик был уверен, что молоко у Хуэй Сао тоже небесно-голубого цвета. Когда Хуэй Сао кормила ребенка, он одной ручкой едва касался материнской груди, и ручка эта была непорочной и нежной.

Кормя грудью, Хуэй Сао никогда не прикрывалась, ведь в Дуаньцяо жили только старики, дети и женщины. Это и притягивало Ван Вана, и в то же время заставляло его страдать.

Однажды Хуэй Сао сидела на каменном пороге дома и кормила ребенка грудью. Ван Ван сидел напротив, и их разделяла аллея из темно-зеленого камня. Сын Хуэй Сао в этот день только взял в рот сосок, как уже наелся. Тогда Хуэй Сао дала ему другой, но он выплюнул и его, отрыгивая молочную пену. Грудь Хуэй Сао опухла, и она решила сцедить молоко. Оставив малыша на пороге, отойдя к стене, она нагнулась и обеими руками надавила на левую грудь, выжимая содержимое. Молоко брызнуло из груди струей. Все это время Ван Ван пристально наблюдал за ее манипуляциями. Мальчик видел, как упругая молочная струя брызнула на стену и впиталась в темную поверхность.

Ван Ван спрятался за углом. Хуэй Сао сцедила молоко, но ее ребенок вдруг заплакал, и она вновь приподняла верхнюю одежду, оголяя грудь. Только младенец есть не собирался. Хуэй Сао, озадаченная поведением сына, не заметила, что Ван Ван уже вплотную подошел к ней. Неожиданно он отстранил руку младенца и приник к груди губами.

Хуэй Сао издала пронзительный вопль, который облетел половину Дуаньцяо. Если бы она не завизжала, Ван Ван ни за что не выпустил бы

ее грудь изо рта. На место происшествия уже подросли соседи. Хуэй Сао было больно и стыдно. Укоризненно она обратилась к мальчику: «Смерти ищешь?»

К вечеру новость о поступке Ван Вана разлетелась по всему Дуаньцяо. В маленьком городке, где даже газет не было, это стало происшествием дня. Люди — разумеется, в скабрезном контексте — судачили: «Умереть не встать, всего семь лет, а уже думает о таких вещах». Все знали, что Ван Ван укусил Хуэй Сао за грудь. Находились даже те, кто подшучивал над ней, громко крича за ее спиной голосом из рекламного слогана, что они тоже не прочь немного «пованваниться». Смеялись все, включая саму Хуэй Сао. Только почтенной матери Хуэй Сао было не до шуток, и она, сделав гримасу, спешила подальше от толпы со словами: «Вырастила на свою голову».

Дедушка Ван Вана узнал о дневном происшествии ближе к вечеру. За ужином, отправляя в рот внука ложку с едой, он приговаривал: «Открой рот и прожуй. Доешь и отправляйся спать... Мяса кусочек, немного яйца, о деньжатах не придется думать без конца»... Такие рифмованные поговорки дедушка придумывал на ходу, но внук сегодня ни в какую есть не хотел. Когда ложка подбиралась к его рту с правой стороны, он отворачивался влево, а когда слева — отворачивался вправо. Дедушка приговаривал: «Яйца я не ем, мяса не хочу, как же я в будущем работать научусь?»

Но глаза Ван Вана были устремлены в сторону дома Хуэй Сао. На полках в магазине Хуэй Сао было много всякой всячины. Дедушка спрашивал: «Хочешь что-нибудь?» Ван Ван молчал. «Может, шоколадный батончик? Или рисовую кашу?» Ван Ван и слова не проронил. Сбоку от рисовой каши в пакетике стояло европейское молоко. «Хочешь молока?» — предположил дедушка. Ван Ван повернул голову и глазами, полными слез, посмотрел на дедушку. По-своему истолковав, чего хочет внук, дедушка пошел и купил пакет молока, сполоснул упаковку водой, поставил прямо перед лицом Ван Вана и сказал: «Вот твоё молоко». Мальчик укусил ложку из нержавеющей стали и тут же отбросил ее, а следом за ней гневно опрокинул и ложку. Ложка из нержавеющей стали не разбилась; ударившись о каменный пол, она лишь закрутилась на месте, издавая холодный металлический звон. Дедушка отвесил внуку не менее звонкую пощечину и скомандовал: «А ну, поднимай!» Ван Ван не сдвинулся с места. Тогда дедушка занес руку для новой пощечины и опять спросил: «Поднимешь или нет?» Не дождавшись ответа, ударил Ван Вана по лицу и закричал: «Поднимай сейчас же, негодник!»

В итоге дедушка сам поднял столовые приборы и обратился к Ван Вану: «Как ты можешь бросать их? Ты ешь из этой посуды, а это — ку-

пленное по твоей же просьбе молоко! Через семь месяцев Новый год, смотри, как бы я не рассказал о твоих проделках родителям!»

Согласно установленному распорядку дня, сразу после ужина дедушка Ван Вана шел к Южным воротам и мыл посуду на каменной пристани. Рядом с ним сосед Лю Санье стирал белье. Стоило Лю Санье увидеть дедушку Ван Вана, как на лице его расцвела хитрая улыбка. «Дедушка Ван, это вы научили Ван Вана есть тофу⁵ Хуэй Сао?» — спросил Лю Санье. Дедушка Ван Вана не понял, о чем речь, но, увидев ухмылку на лице собеседника, заподозрил неладное. Лю Санье искоса бросил взгляд на собеседника и прошептал: «Твой внук сегодня днем так вцепился в грудь Хуэй Сао, что у нее аж кровь выступила!»

Когда дедушка Ван Вана понял, о чем говорит сосед, в голове его загудело. Это было непостижимо. Как такое возможно? Вернувшись домой, он схватил метлу и несколько раз ударил Ван Вана по попе. Удары сыпались один за другим. Слезы стояли в глазах у Ван Вана, но малыш не заплакал. Он вынес боль и печаль, не проронив ни слова. Безмолвные детские слезы всегда смягчают сердца взрослых. Опустив метлу, дедушка строго спросил: «Кто надоумил тебя? Какая скотина научила тебя так делать?» Мальчик вновь не проронил ни слова. Только слезинки, одна за другой, крупными каплями сползали вниз по его лицу. Дедушка тяжело вздохнул и произнес: «В любом случае, помни, что до Нового года еще семь месяцев».

Родители Ван Вана возвращались в Дуаньцяо раз в год, и всего на шесть дней: с кануна китайского Нового года и до пятого дня первого лунного месяца. Во время каждой встречи мама мальчика выплескивала на него всю любовь, что копилась целый год. Стоило ей увидеть Ван Вана, как она бросалась обнимать и целовать его. Ван Ван же был холоден: к таким проявлениям любви он просто не привык. Материнские объятия были для него сродни пытке. Любовь эта была тем, от чего непременно нужно увернуться, с чем нужно бороться изо всех сил. Всякий раз мама с папой привозили кучу разных игрушек и вкусностей, и почти все эти вещи были якобы очень полезными, купленными по совету из телевизионной рекламы. Поначалу гора сладостей радовала его, но потом от них сводило живот.

Как правило, на третий-четвертый день лунного месяца Ван Ван привыкал к голосу и запаху родителей, они начинали ему нравиться, он начинал узнавать их. Но каждый раз, стоило мальчику вновь прочувствовать эту связь, как они исчезали. Утекали, словно сквозь пальцы, не давая прикоснуться. Невозможно найти слова, чтобы описать это ужасное ощущение.

⁵ Грудь (жарг.).

В пятый день лунного месяца спозаранку родителям нужно было уезжать. Вечером четвертого дня Ван Ван специально ложился как можно позднее, чтобы не просыпаться утром пятого числа. Папина большая баржа была пришвартована к берегу на востоке городка, где река разливается особенно широко. Прибыв в городок, родители спускались в маленькую лодочку и гребли по Цзяхэ, пока не попадали к воротам собственного дома. Уезжали они точно так же: отвязывали от оконного переплета веревку, гребли на восток, а затем баржа два раза редела, и родители скрывались из виду. Когда они были уже совсем далеко, рассветало...

Из-за происшествия с Ван Ваном Хуэй Сао стала аккуратнее кормить грудью. Теперь она пряталась за прилавком и расстегивала вторую пуговицу на рубашке. Однако в последние два дня Ван Вана нигде не было видно. Оказывается, когда кто-то каждый день маячит перед глазами, ты не обращаешь на него внимания, но стоит ему пропасть из поля твоего зрения, как все внимание устремляется именно на него.

В полдень, увидев дедушку Ван Вана, Хуэй Сао без задней мысли обратилась к нему: «Дедушка, а что это Ван Вана не видно?» Дедушке Ван Вана последние несколько дней было стыдно смотреть в глаза Хуэй Сао, ведь он думал, что раз Лю Санье сказал, что внучок научился плохому у дедушки, возможно, и пострадавшая думает так же. Красный от стыда, он лишь обронил: «В больнице под капельницей».

Хуэй Сао ужаснулась: «Как же так? Что такого случилось, что он теперь под капельницей лежит?»

«Температура была высокая, никак не спадала», — едва слышно выдавил дедушка.

«Вы, небось, запугали ребенка?» — предположила Хуэй Сао.

«Что я за взрослый, если не буду его бить и ругать?» — виновато проговорил дедушка.

Хуэй Сао переложила сына на другую руку и сказала с укором: «Дедушка Ван, что вы такое говорите? Это всего лишь семилетний мальчишка. Как он мог так провиниться? Он не нанес мне никакого вреда, слегка поранил кожу, только и всего».

После этих слов дедушка Ван Вана опустил голову еще ниже и краснея, сказал: «Я никогда с ним не обсуждал такое, никогда мы не говорили об этом. Это все телевидение учит молодежь плохому».

Хуэй Сао помрачнела. Ей стало неловко...

Ван Ван выписался из больницы сильно похудевшим. Глаза его стали большими-пребольшими. Своенравности, однако, поубавилось, мальчик сделался поспокойнее. Хуэй Сао как-то обмолвилась: «Ван Вану болезнь к лицу».

После возвращения домой Ван Ван уже не сидел на каменном пороге дома — как догадывалась Хуэй Сао, это было новым правилом его дедушки. Но она все равно знала, что мальчик, прячась за дверью, подглядывает, как она кормит грудью, и его черные глаза печально светятся то в круглом отверстии двери, то в щели между досками.

Дедушка Ван Вана пресекал на корню любое сближение внука и Хуэй Сао, из-за чего женщина затаила на него обиду. Ван Ван же стал еще более скрытным, и бродил как неприкаянный.

Однажды Хуэй Сао с ребенком на руках принесла Ван Вану несколько леденцов, но стоило мальчику увидеть Хуэй Сао, как он тут же спрятался от нее за лестницей. Дедушка Ван Вана, преградив ей дорогу, укорил: «Нельзя же вести себя так бесцеремонно». Хуэй Сао почувствовала себя очень неловко, она совершенно забыла слова, которые заготовила, и лишь беспомощно произнесла: «Это же просто несколько конфеток...»

Перед тем, как уйти, Хуэй Сао обернулась, чтобы хоть одним глазком посмотреть на Ван Вана, и ответный взгляд его детских глаз заставил ее материнское сердце всколыхнуться от грусти...

Когда дедушка Ван наслаждался полуденным сном, он мог всхрапнуть. Стоило Ван Вану услышать этот храп, как он пулей летел вниз. Мальчик подкрадывался к воротам и начинал подсматривать. Именно в этот момент его и поймала Хуэй Сао. Она схватила его за запястье. Ван Ван так испугался, что с лица его мигом сошли краски.

Хуэй Сао прошептала: «Не бойся! Идем со мной». Она затащила мальчика на задний двор продуктового магазина. Задний двор прилегал к склону, золотые лучи солнца освящали его, и склон выглядел цветущим и благодатным. Хуэй Сао присела, подняла верхнюю одежду, и перед лицом Ван Вана оказалась большая и круглая грудь. От густого запаха молока у Ван Вана заныло сердце: так пахла его мать, и запах этот был для него священным. Хуэй Сао дотронулась до головы мальчика, мягко уговаривая: «Поешь, поешь». Ван Ван был не в силах сдвинуться с места. Мать, которая так тревожила его душу, была совсем близко, прямо под носом, на расстоянии вытянутой руки. Он поднял голову. В глазах мальчика дрожали слезы, а на лице отразились смущение и страх. «Все хорошо, ты кушай, кушай. Только не кусай, а соси, торопиться некуда». Ван Ван наклонил голову, поднял маленькие ручки, собираясь обхватить ими правую грудь Хуэй Сао. Но вдруг руки его остановились.

«Не стану», — обиженно выдавил он.

«Глупый ребенок, это то, что младшенький не доел», — сказала Хуэй Сао.

Мальчик впился глазами в грудь Хуэй Сао и, всхлипывая, проронил: «Не стану. Вы не моя мама!»

Как только с его языка слетела эта необдуманная фраза, он рванул с места. Хуэй Сао натянула одежду и, выбежав следом, громко закричала: «Ван Ван! Ван Ван...»

Но Ван Ван уже добежал до дома и плотно закрыл дверь на засов. Все произошедшее в этот тихий полдень оглушало. Голос Хуэй Сао прерывался всхлипыванием. Ударив по двери рукой, она, не сдерживая эмоций, закричала: «Ван Ван!»

В доме Ван Вана стояла гробовая тишина. Спустя пару мгновений храп дедушки Вана оборвался. Раздались торопливые шаги. Немного погодя в комнате послышались звуки ударов линейки о тело. Хуэй Сао стояла снаружи, и ей ничего не оставалось, кроме как отчаянно кричать: «Дедушка Ван, дедушка Ван!»

Вокруг собралась толпа. Увидев, как Хуэй Сао стучит в дверь, все тут же поняли, что с Ван Ваном вновь случилась «неприятность». Кто-то с серьезным видом заявил: «Из этого мелкого ничего путного не выйдет». Хуэй Сао повернулась к односельчанам. Ее лицо исказилось, она была сейчас похожа на самку дикого животного, защищающего свое дитя. Рассвирепев, она закричала: «Идите вон отсюда! Уходите! Что вы вообще понимаете?!»